

БОРИС ГАВРИЛОВИЧ ГОЛУБОВСКИЙ - народный артист России, лауреат Государственной премии России, профессор ГИТИСа. Окончил ГИТИС в 1941 г. Считает себя счастливым человеком: присутствовал на репетициях Мейерхольда, Станиславского и когда Немирович-Данченко выпустил спектакль "Три сестры"... Сейчас, наверное, в Москве осталось всего-то несколько человек, кто это помнит.

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, вы - студентка театроведческого факультета ГИТИСа и вам поручают работу о лучшем спектакле, скажем, шестидесятых годов. Вы идете в библиотеку посмотреть газеты и журналы того периода и выясняете: лучший спектакль всех времен и народов - "Сталевары" в Художественном театре. Соответствует ли это действительности? Вряд ли. Есть такой термин "незаслуженно забытые" - спектакли, театры или деятели искусства. Я считаю, что должен быть еще один термин - "незаслуженно запомнившиеся".

...Я видел у Мейерхольда "Как закалялась сталь", тогда роман в инсценировке Евгения Иосифовича Габриловича назывался "Одна жизнь". Этот спектакль послужил поводом к закрытию театра Мейерхольда в 1937 г. и до широкого зрителя не дошел. Мейерхольда упрекали в том, что он не ставит современную драматургию, что у него нет советского героя... а Мейерхольд был влюблен в Николая Островского, он приезжал к нему в Сочи и поклялся на его могиле, что поставит "Как закалялась сталь". И вот пьеса поставлена. Я бы сказал так: это был Николай Островский, распятый на кресте. Была там такая сцена: Павка в цеху борется с вредителем. Тот швыряет Корчагина на приводной ремень, включает ток. Ремень начинает подниматься, и вот Корчагин, распятый, возносится над сценой... Несколько лет назад я увидел картину Сальвадора Дали "Христос над озером" - вот примерно так же...

- А вне официальных кругов как воспринималось все, что произошло тогда с Мейерхольдом?

- Недавно историк Нина Молевашла на чердаке дома Нирнзее (там сейчас учебный театр ГИТИСа) протоколы последнего собрания театра Мейер-

Борис Голубовский. Истории

хольда перед самым его закрытием. Лучше бы она не находила этот протокол. Там имена очень хороших людей, которые выступали с требованием закрыть театр. Все, что произошло с Всеволодом Эмильевичем, было подготовлено заранее, и он это сам ощущал. Но когда Михаил Чехов предлагал ему не возвращаться с берлинских гастролей в Россию, Мейерхольд категорически отказался. Режиссер посвятил один из своих спектаклей начала 20-х годов Троцкому. Сталин, как вы понимаете, этого не забыл. Мейерхольд был прежде всего гениальным актером. Когда он был заведующим театральным отделом Наркомпроса, то ходил в кожаной куртке с маузером, но из бокового кармашка виднелся белый платочек, а на шее - красивый красный шарф, небрежно перекинутый через плечо. Он играл роль революционного вождя.

- Советское искусство было сплошь верноподданническим?

- Совсем нет. Была, например, пьеса Александра Афиногенова "Страх". Ее впервые поставили в Ленинграде, в Театре имени Пушкина. Сюжет довольно простой: профессор Бородин - хороший, в общем, профессор, но заблуждается, считая, что и государством, и всем обществом руководит страх и все люди живут под страхом. Нужно их освободить - и все будет в порядке. Спектакль вышел в 1933-1934 гг. Одновременно вышел спектакль в Художественном театре, где роль профессора Бородина играл гениальный актер Леонидов. Там была сцена, когда профессора арестовывают, приводят в ГПУ и в его присутствии допрашивают научных сотрудников института, которые все валият на Бородина. Закончив допрос, следовательно спрашивает: "Что вы скажете, профессор?" Тот выходит на первый план сцены и кричит: "Это чудовищно!" Занавес. В зале - овация. В Ленинграде эту же роль играл артист Певцов (помните в "Чапаеве" полковника Бороздина?). Ленинградский режиссер вымарал у профессора Бородина все его реплики в сцене допроса. Профессор там никак не реагирует на всю ту грязь, которой его поливают сотрудники института, тогда

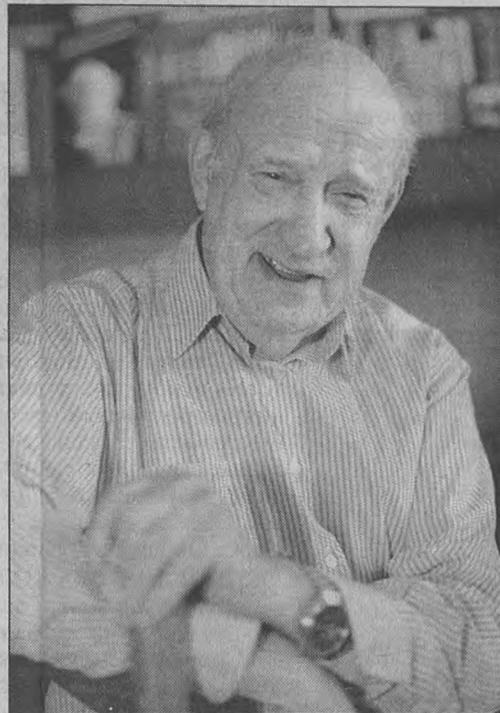

Фото Эдуарда Кудрявицкого

как в спектакле Художественного театра Бородин возмущается и кричит. Итак, допрос окончен, следовательно спрашивает: "Ну, что скажете?" Тогда Певцов говорит: "Это чудовищно". Занавес закрывался, и в зале стояла гробовая тишина. В чем разница? У Леонидова был театр. Темпераментный, эффектный, но - театр, а Певцов заставлял каждого переводить этот страх на себя. Я потом спрашивал у режиссера-постановщика Петрова: "Вы понимали тогда, что вы подняли?" Петров отвечал: "Понимал бы - не ставил бы!"

- Какова была география старой театральной Москвы?

- Площадь Маяковского, то бишь Садовая-Триумфальная, считалась одним из театральных центров Москвы. Где сейчас зал Чайковского - был Театр Зона, там Театр Мейерхольда играл в первые годы революции. Где Театр сатиры - был цирк братьев Никитиных. Где сейчас Театр им. Моссовета - опе-

ретта. Где сегодня гостиница "Пекин" - Театр сатиры. А Театр мюзик-холл! Там играл Леонид Утесов. Напротив мюзик-холла было маленькое двухэтажное здание. До середины 20-х годов там был извозчий трактир, где (в основном ночью) извозчики могли выпить чаю и съесть ситный с горячей вареной чайной колбасой. Туда часто ходили и актеры. Ведь в этом трактире в чайниках подавали частенько не чай, а, извините, водку, которую пили из блюдец. Там была организована из свободных актеров Художественного театра Четвертая студия МХАТа под руководством замечательного педагога и артиста Тарханова. Правда, он не был режиссером и никогда не стремился к режиссуре, его эти лавры не пленяли за избытком своих собственных...

- А что дальше было с Четвертой студией МХАТа?

- Итак, 37-й год... ГУЛАГ московских театров. Можно было, скажем, оправдать слияние молодых театров, потому что в них плохо ходили, но, когда слили Камерный театр с охлопковским, это было противоестественно. Тогда да же появились такие остроты: предлагают слить цыганский театр с еврейским и найти для них общий язык, или Малый театр - с Художественным и назвать его Малохудожественным театром. Более диаметральных творческих противоположностей, нежели Охлопков и Таиров, наверное, не было. Оба - мастера, оба люди большой театральной и человеческой культуры, но - абсолютно противостоящие друг другу. И эта рана не зажила у Охлопкова всю жизнь. Кстати, это было и началом конца Таирова, которого Демьян Бедный подвел на этот раз: его пьеса "Богатыри" подверглась, как говорится, "самому острому кизму", и на этом фактически начался закат истории Камерного театра. Он начал работать под Художественный театр, хотя этого не любил, не умел и не понимал. Прекрасный Театр-студию Симонова слили с совершенно другим театром - ТРАМом, который стал Театром Ленинского комсомола. Вот такая была жизнь нашей Триумфальной площади: там были и триумфы, и большие поражения, и большие трагедии.

Натэла БОЛТЯНСКАЯ

Аргументы и факты. - 1998. - апрель. - (№ 18). - с. 16.